

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

DOI 10.37386/2305-4077-2024-4-6-19

Э. М. Афанасьева¹

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)*

Сривастава Лакшми²

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия; Дели, Индия)*

СТИХОТВОРЕНИЕ «НЯНЯ ПУШКИНА» А. ГОРОДНИЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ПУШКИНСКОГО МИФА О НЯНЕ

В статье исследуется мифопозитка стихотворения А. М. Городницкого «Няня Пушкина» (2020 г.) в контексте пушкинского мифа.

Истоки литературного мифа о няне коренятся в художественном мире самого Пушкина: стихотворения «Зимний вечер», «Няне», «Вновь я посетил тот уголок земли, роман «Евгений Онегин». Литературный сюжет «поэт и няня» находит продолжение в творчестве русских писателей (в частности, в лирике Н. М. Языкова) и биографической пушкинистике.

Уже в XIX в. няня Пушкина начинает соотноситься с образом земной покровительницы, умудренной жизненным опытом, молитвенно охраняющей своего питомца, «столько раз им воспетой» (И. И. Пущин). Она воспринимается как заботливый участник в судьбе уже взрослого поэта и его окружения. Со второй половины XIX в. в культурной памяти закрепляется имя «Арина Родионовна». Это происходит под воздействием публикаций первых пушкинистов (в частности, П. В. Анненкова).

В процессе анализа стихотворения А. М. Городницкого «Няня Пушкина» в работе восстанавливаются такие черты пушкинского мифа, как гармония парного образа «поэт и няня» и полнота триады «поэт – усадебная жизнь – няня». Лирическое событие соотносится как с историей страны, так и с частной историей двух людей. Беззаветная любовь Арины Родионовны к своему воспитаннику воспринимается как охрана от всех бед и напастей. В финале стихотворения появляются мотивы безымянности и невозможности оты-

¹ Эльмира Маратовна Афанасьева – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия), elmira_afanaseva@mail.ru.

² Лакшми Сривастава – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, (Москва, Россия; Дели, Индия) Lakshmi.srivastava20@gmail.com.

скасть место захоронения няни. Ситуация мифологической утраты приводит к истощению душевных сил поэта и опустошению родного мира. Особенностью авторской интерпретации пушкинского мифа А. М. Городницким становится представление о «тесном союзе» «седой музы» и ее питомца.

Ключевые слова: Няня, Арина Родионовна, А. С. Пушкин, Н. М. Языков, А. М. Городницкий, «Няня Пушкина», пушкинский миф, онтология имени, мифологическая утрата

Elmira Afanasyeva

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Lakshmi Srivastava

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia; Delhi, India)

PUSHKIN'S NANNY: A POEM BY A. GORODNITSKY IN THE CONTEXT OF PUSHKIN'S MYTH ABOUT THE NANNY

This article studies the mythopoetics of poem “Pushkin’s Nanny”(2020) by A. M. Gorodnitsky in the context of the Pushkin myth.

The source of the literary myth about the nanny is rooted in the artistic world of Pushkin: the poems “An Evening in Winter”, “The Nanny”, “I Visited that Corner of the Earth Again” and the verse novel “Evgene Onegin”. The literary plot of ‘the poet and the nanny’ is continued in the works of Russian writers (particularly, in the lyrics of N. M. Yazykov) and in the biographical studies of Pushkin.

Starting with the 19th century, Pushkin’s nanny began to correspond with the image of an earthly patroness, very sophisticated, protecting the child and “so many times glorified by him” (I. I. Pushchin). She is perceived as a considerate participant in the destiny of the poet, who is already adult, and his companions. Cultural memory has been imprinted with the name of “Arina Rodionovna” since the second half of the 19th century. This occurs as a result of the writings of the early Pushkin scholars, especially P. V. Annenkov.

The elements of Pushkin’s myth, such as the harmony of the paired image “Poet-Nanny” and the culmination of the triad “Poet-Manor life -Nanny” are restored in the work while analyzing the poem “Pushkin’s Nanny” by A. M. Gorodnitsky. The poetic event correlates both the national and personal histories of the two individuals. Benevolent love of Arina Rodionovna towards the poet shielded him from all troubles and adverse circumstances. The motives of anonymity and impossibility to locate the nanny’s last resting place come to light at the culmination of the poem. The scenario of mythological diminution eventually results in the poet’s mental stamina and the emptiness of his native world. The specific aspect of the author’s interpretation towards the Pushkin myth is the notion of a “close bond” between “the gray-haired muse” and her nursling.

Keywords: Nanny, Arina Rodionovna, A. S. Pushkin, N. M. Yazykov, A. M. Gorodnitsky, “Pushkin’s Nanny”, Pushkin’s myth, ontology of the name, mythological loss

В 2020 г. поэт, один из основателей бардовского движения Александр Городницкий создает стихотворение «Няня Пушкина», которое включает в контекст книги стихов «Дорога к Пушкину» [Городницкий, 2021]. Данная статья посвящена исследованию особенностей поэтики этого стихотворения в соотнесении с литературным мифом о няне Пушкина.

Пушкинский миф о няне

История развития и изучения пушкинского мифа представляет литературоведческий интерес и уже стала отдельным направлением пушкинистики. В 1994 г. Пушкинский дом издал тематический сборник «Легенды и мифы о Пушкине» [Легенды и мифы о Пушкине, 1994], в 2011 г. публикуется статья Т. Г. Шеметовой «Пушкинский миф: функционирование в современной литературе» [Шеметова, 2011], в 2018 г. – статья Л. И. Сараскиной «Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише» [Сараскина, 2018], в 2021 г. опубликована монография М. В. Загидуллиной «Пушкинский миф в конце XX века» [Загидуллина, 2001].

По наблюдениям Т. Г. Шеметовой, «пушкинский миф в отличие от неомифа имеет свою особую природу: он не возрождает архаичный миф, как, например, богоборческий автомиф Байрона, но имеет сюжет, опирающийся или отталкивающийся от биографии и творчества поэта (в котором, конечно, также существовали периодически сменяющиеся автомифы)» [Шеметова, 2010, с. 202].

Одним из направлений развития пушкинского мифа в литературе становится эстетическое осмысление художественно-биографических реалий, связанных с образом няни [Анненков, 1984; Лернер, 1908; Ульяновский, 1940; Дружников, 2001; Шеметова, 2011]. Более того, в русской литературе утверждается парный образ «поэт и няня». Как отмечает Г. П. Козубовская, «Поэзия конца XIX – начала XX вв. тяготеет к созданию авторских мифов, в то же время ориентируясь на готовый миф как производное памяти культуры. Миф, понимаемый как принцип, возвращает либо к природе, либо к культуре» [Козубовская, 2001, с. 14]. В этом отношении стихотворение А. М. Городницкого «Няня Пушкина» отсылает и к творчеству «солнца русской поэзии», и к уже оформившейся в русской литературе мифологеме «подруги дней суровых».

Истоки авторского мифа о няне коренятся в художественном мире самого Пушкина. Прежде всего, это стихотворения «Зимний вечер» 1825, «Няне» («Подруга дней моих суровых...») 1826 или 1827 г. [Елисеева, 1991, с.140–143], «Вновь я посетил тот уголок земли» (1835) г., роман «Евгений Онегин», где есть упоминания и о няне автора, и о няне Татьяны. В письмах поэта конкре-

тизируется характер его взаимоотношений с Ариной Родионовной. Так 9 ноября 1826 г., приехав в Михайловское уже после ссылки «вольным в покинутую тюрьму», Пушкин сообщает в письме П. А. Вяземскому: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы вероятно сочиненной при ц.<аре> Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом» [Пушкин, 1937, т. 13, с. 304; курсив в первоисточнике]. В письме жене от 25 сентября 1835 г. он упоминает о том, что в «Михайловском нашел я всё по старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей...», а ниже приводит ее слова в ответ на замечание «знакомой бабы», что он «состарелся да и подурнел»: «Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты мой друг, того что я слишком замечаю» [Пушкин, 1949, т. 16, с. 50–51].

Пушкинский миф о няне утверждается и в среде близкого окружения поэта. Н. М. Языков, который сблизился с Пушкиным во время пребывания летом 1826 г. в семье друга А. Н. Вульфа в Тригорском [Языков, 1913, с. 20, 256], пишет стихотворения «К няне Пушкина» 1827 г., а позже «На смерть няни Пушкина» 1830 г. Оба текста вошли в сборник Языкова 1833 г., правда, только с намеком на имя поэта: «К няне А. С. П – а», «На смерть няни А. С. П – а» [Языков, 1833, с.115 – 116, 204 – 207]. Возможно, «К няне А. С. П – а» первая попытка в истории литературы назвать няню Пушкина по имени, которая, однако, запечатлела ошибку. Стихотворение начинается: «Васильевна, мой свет, забуду ли тебя?». В связи с допущенной оплошностью позже Языков извинился перед Вульфом в письме от 6 июня 1827 г.: «Мне очень жаль, что няня не Васильевна! Вот новое доказательство той великой истины, что поэту необходимо знать совершенно предмет своего славословия прежде, нежели примется за перо стихотворное» [Языков, 1913, с. 413]. После публикации сборника стихотворений Языкова 1833 г. появляется рецензия в «Московском телеграфе». Приведем фрагмент этой публикации: «Когда-то случилось дерптскому поэту съездить в Тригорское и погостить там у Пушкина. Сколько вдохновения доставили ему проведенные там часы! Старая няня, завтраки, пушш нового изобретения, шаткие столики и бревенчатые мостики, словом, все достопамятности Тригорского воспеты г-ном Языковым в нескольких стихотворениях. Кажется, это самое живое впечатление жизни его, перед которым уничтожается даже дерптская жизнь, хотя о ней он писал гораздо больше» [Полевой, 1833, с. 221]. В этом фрагменте появляется особого рода мифологическая триада «поэт – усадебная жизнь – няня», которая окажет существенное влияние на развитие пушкинского мифа.

Душевная теплота старой няни поэта, которую с такой же душевностью и радушием воспринимает ближайшее окружение Пушкина, нашла отражение и в воспоминаниях И. И. Пущина, который посетил лицейского друга в январе 1825 г.: «Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками... На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один – почти голый, другой – весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через 33 года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этою женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, – чуть не задушил ее в объятиях» [Пущин, 1989, с. 68].

Отметим важный момент в истории становления литературного мифа о няне Пушкина. И в творчестве поэта, и в творчестве его близкого окружения актуализируется мифологема «няня» – без конкретизации ее имени. Ошибка Языкова в данном контексте весьма симптоматична.

Имя Арина Родионовна проявится и закрепится в культурной памяти со второй половины XIX в. во многом благодаря биографической пушкинистике. В частности, П. В. Анненков в «Материалах для биографии Пушкина» публикует фрагмент письма Арины Родионовны А. С. Пушкину, которое, очевидно, было записано под ее диктовку: «Любезный мой друг Александр Сергеевич! Я получила письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна; вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, забуду вас. *Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское – всех лошадей на дорогу выставлю.* Я вас буду ожидать и молить Бога, чтобы он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшко Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила – *поживи, дружочек, хорошенечко, самому слюбится.* Я, слава Богу, здорова – целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня *ваша Арина Родионовна*» [Анненков, 1984, с. 34; курсив в первоисточнике]. Письмо написано в Тригорском и датировано 6 марта, вероятно, 1827 г.

Авторский миф о няне уже в XIX в. начинает соотноситься с образом земной покровительницы, умудренной жизненным опытом, молитвенно охраняющей своего Александра Сергеевича, «столько раз им воспетой». Самое удивительное в этом мифе то, что няня – заботливый участник в судьбе уже взрослого

человека и его окружения. Это в то время, когда, казалось бы, ролевые функции няни исчерпаны, так как они наиболее востребованы в период младенчества и детства питомца.

Таким образом, уже при жизни Пушкина образ няни воспринимается в контексте усадьбы жизни, для которой органичны душевная открытость и хлебосольство людей деревенского уклада. Няня – верный слушатель и удивительный рассказчик, хранитель народных примет, фольклорного знания и, самое важное, – источник безграничной любви. Ее душевная теплота распространяется на всех, кто дорог Пушкину. К XIX в. относится и появление мотива утраты могилы Арины Родионовны, невозможности прийти к месту ее упокоения. Так в 1902 г. И. Л. Щеглов сетовал на то, что ничего не известно о месте захоронения няни Пушкина: «Бѣдная няня Пушкина, вздохнулъ я про себя, – гдѣ-то пріютился ея смиренный крестъ, и дождется ли она когда-нибудь достойнаго себѣ памятника, гдѣ имя «Арины Родіоновны», въ поученіе потомству, будетъ выгравировано золотыми буквами!...» [Щеглов, 1902, с. 51–52]. И далее: «Въ какомъ мѣсяцѣ скончалась, какого числа, когда и гдѣ схоронена – все это, къ искреннему прискорбію искреннихъ почитателей Пушкина, остается пока покрыто мракомъ неизвѣстности и составляетъ, надо сознаться, въ обстоятельныхъ воспоминаніяхъ Л. Павлищева весьма существенный и досадный пробѣлъ» [Щеглов, 1902, с. 94].

К началу XX в. появляются публикации, специально посвященные Арине Родионовне и ее роли в жизни и творчестве Пушкина: Щеглов И. Л. Новое о Пушкине [Щеглов, 1902, с.51–52], Н. О. Лернер «Арина Родионовна и няня Дубровского» [Лернер, 1908, с. 68–72]. В 1940 г. публикуется биография [Ульянский, 1940]. К этому времени ее образ укореняется в биографической пушкинистике и играет значимую роль в формировании пушкинского мифа русской литературы.

Мифопоэтика стихотворения А. Городницкого «Няня Пушкина»

Стихотворение «Няня Пушкина» входит в контекст авторской пушкинианы А. М. Городницкого [Ничипоров, 2005; Биткинова, 2012; Афанасьева, 2022, 2023]. Лирическое событие этого произведения основано на развитии парного образа «поэт и няня». Буквально с первых стихов полифония голосов няни, Пушкина и субъекта лирического высказывания создает атмосферу погружения в мир, где есть свои законы песенно-сказительской магии. Вслушивание-вживание в фольклорные тексты задает тон развитию событийного плана стихотворения, которое включает в себя значительное географическое пространство. Здесь упоминается Псковщина (в том числе Михайловское), Москва, Петербург (вплоть до локуса Смоленского кладбища и дельты Невы) и вся Россия.

Обратимся к анализу текста. Первый стих погружает в фольклорно-песенную атмосферу. Еще до появления образа исполнительницы песни, ее голос в «напевах песенки старинной» создает ситуацию слушания. Во втором стихе мотив слушания сменяется мотивом созерцания картины унылого пейзажа Псковщины. И только после погружения в аудиально-визуальную модель усадебного мира появляется обращение к няне:

Напевы песенки старинной,
Унылой Псковщины края.
Ах, Родионовна Арина,
«Голубка дряхлая моя»!
[Городницкий, 2020, с. 66]

Фиксируя имя («Ах, Родионовна Арина») и тут же приводя цитату из стихотворения Пушкина «Няне» – «Голубка дряхлая моя», субъект лирического высказывания включает в лирическое событие и голос самого поэта, и демонстрирует знание нюансов его биографии.

Большая часть стихотворения Городницкого посвящена периоду Михайловской ссылки Пушкина:

Невелика и бедновата
Та почерневшая изба,
Где в одиночестве когда-то
Поэт опальный прозябал,
Возможно, сам того не зная,
Что в невесёлый этот год,
Его Россия крепостная
На воспитание берёт.
В неумолкающей метели,
Уберегая от тревог,
Она, как прежде, в колыбели,
Опять баюкала его.
Неволи сокращая сроки,
И вязкий разгоняя сплин,
Ему нащёптывала строки
Забывших сказок и былин.
Тесней не знать ему союза,
Прекрасней не услышать впредь,
Тех песен, что седая муза
Могла за кружкою напеть.
[Городницкий, 2020, с. 66]

Образы «почерневшей избы» (ср.: «ветхая лачужка»), «неумолкающей метели» (ср.: «буря мглою небо кроет»), а также «мотивы песенки старинной» (ср.: «Спой мне песню, как синица // Тихо за морем жила; // Спой мне песню, как девица За водой поутру шла»), унылого усадебного уединения находятся в диалоге с пушкинскими образами и мотивами. Лирическое событие стихотворения Городницкого развивается таким образом, что сначала акцентируется внимание на диалоге со стихотворением Пушкина «Няне» – через включение цитаты из него, а потом происходит растворение пушкинского слова в лирических аллюзиях на «Зимний вечер»: «Тесней не знать ему союза, // Прекрасней не услышать впредь, // Тех песен, что седая муза // Могла за кружкой напеть». Союз поэта и «седой музы» – авторская черта пушкинского мифа Городницкого. В этом «союзе» есть рефлексия, связанная с детством поэта: «Она как прежде, в колыбели, // Опять баюкала его». В данном фрагменте представлена позиция няни: ее отношение к воспитаннику не изменилось по прошествии времени. Исполняя «баюкательные песни», она привычно оберегает уже повзрослевшего поэта. Фольклор – как песенный, так и сказительский – органичная часть ее душевного бытия. У Городницкого нет установки на поэтическую любознательность Пушкина, который впитывает фольклорную стихию, транслируя ее в собственных художественных текстах. В этом стихотворении няня, прежде всего, «уберегает от тревог». Мотив одиночества опального поэта, обреченного на неволю, унылая картина Псковщины, почерневшая изба, неумолкающая метель – такова атмосфера ссылки. Поддержка и душевное тепло в это время исходит только от трепетной заботы няни, ее песен, сказок и былин. В определенный момент образ Арины Родионовны символически отождествляется с образом крепостной России, которая оберегает Пушкина в «невеселый год»: «Возможно, сам того не зная, // Что в невеселый этот год, // Его Россия крепостная // На воспитание берёт». Так возникает историческая аллюзия на восстание декабристов 1825 г., которое произошло в тот период, когда Пушкин находился в Михайловском.

Переломным моментом в развитии лирического сюжета стихотворения становится переход от зимы к весне, когда «от почек тяжелеет ветка // И тает голубь в синеве». И здесь важна не столько историко-биографическая правда (Михайловская ссылка закончилась осенью 1826 г.), сколько гносеологическая природа мифа. Тяжелые ветки почек и взмывший в высь голубь соединяют мир земной и небесный в сакральной вертикали, которая соотносится с благовещенским мотивом стихотворения Пушкина «Птичка» 1823 г.:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
[Пушкин, 1947, т. 2/2, с. 280]

В этом фрагменте нашла отражение христианская традиция выпускать птиц на волю в день Благовещения Богородицы (по старому стилю он праздновался 25 марта).

В стихотворении Городницкого прекращение Михайловской ссылки неожиданно оборачивается мифологической утратой – смертью няни и невозможностью найти места ее упокоения:

Её отыскивал могилу,
Но отыскать её не смог.
Ему делить невзгоды не с кем.
Изба в Михайловском пуста.
Она на кладбище Смоленском,
Без имени, и без креста,
Лежит на топком побережье,
У дельты сумрачной Невы,
И защитить его, как прежде,
Не в состоянии, увы.
[Городницкий, 2020, с. 67]

При анализе этого отрывка необходимо остановиться на ключевом для мифопоэтики текста явлении – онтологии имени [Афанасьева, 2020]. В названии стихотворения «Няня Пушкина» присутствует два субъекта. В первом именовании ощутимо номинологическое зияние, во втором – номинологическая модель имявоплощения. В самом стихотворении имя Пушкина ни разу не упоминается, но название стихотворения позволяет отождествить образ поэта с Пушкиным. Восстановим систему именованний няни и эпитетов, связанных с нею: «Няня Пушкина» – Родионовна Арина – «Голубка дряхлая моя» – Россия крепостная – седая муза – Без имени и без креста. Сначала упоминается ключевая для пушкинского мифа мифогема няни, далее происходит процесс имявоплощения с инверсивной перестановкой местами отчества и имени, далее следует цитата из стихотворения Пушкина. Кульминацией в процессе онтологизации имени становится отождествление героини с Россией, после чего появляется авторское именование – «седая муза», отсылающее, в частности, к четвертой главе романа «Евгений Онегин»:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няни,
Подруги юности моей...
[Пушкин, 1937, т. 6, с. 88]

В последних стихах произведения возникает мотив безымянности героини: «Она на кладбище Смоленском, // Без имени, и без креста». Появление образа Смоленского кладбища довольно поздняя деталь в истории пушкинского мифа, отсылающая к разысканиям А. И. Ульянского. В 1940 г. он публикует монографию «Няня Пушкина», где по документам церкви Смоленской Божьей Матери на Васильевском острове восстанавливает запись о захоронении «Ирины Родионовны дому 5-го клас. чиновника Пушкина служащая женщина», умершей 31 июля 1828 г. [Ульянский, 1940, с. 114] с уточнением: в церковных записях Арина Родионовна значится Ириной. Исследователь также отмечает, что «на кладбищах к могилам незнатных особ, тем более крепостных, не проявляли никакого внимания, и оставленная без присмотра могила няни оказалась вскоре затерянной» [Ульянский, 1940, с. 66].

Финал стихотворения соотнесен с ситуацией мифологической утраты имени и места захоронения доброй покровительницы Пушкина. Разрушение мифологической пары «поэт – няня» вторично вводит в лирическое событие мотив одиночества: «Душевные теряя силы, // Поняв, что стал он одинок...» Невозможность найти безымянную могилу у Городницкого соотносится с мотивом вины, который проецируется не только на поэта. Это коллективная вина каждого за ту «крепостную Россию», которая метафорически была воплощена в образе няни. Ее присутствие в жизни наполняло мир гармонией, заботой, любовью, а вместе с ее уходом наступает опустошение.

Стихотворение А. М. Городницкого «Няня Пушкина» находится в диалоге с поэтикой произведений Пушкина, его воспоминаниями, а также с пушкинистикой и пушкинианой. В основе лирического сюжета этого произведения процесс взаимодействия поэта с няней. При этом субъект лирического высказывания наделяется позицией автора-биографа: ему знакомы мельчайшие детали жизни и творчества Пушкина, в частности, переживания поэта во время Михайловской ссылки и после того, когда он обретает долгожданную свободу.

Парный образ «поэт и няня» включает в себя разные этапы взаимной привязанности героев. Мифологическая пара усиливается за счет триады, в которую включается атмосфера усадебного мира (поэт – усадебная жизнь – няня), при этом идея неразрывной связи этого «крепкого союза» с национальными корнями расширяется до образа «крепостной России».

Распад мифологической пары «поэт и няня» после смерти Арины Родионовны вводит в стихотворение мотив опустошения усадебного мира и незащищенного одиночества поэта. Таким образом, парный образ «поэт и няня» включает в себя историю страны и частную историю двух людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анненков, П. В.** Материалы к биографии А. С. Пушкина / П. В. Анненков. – Москва: Современник, 1984. – 481 с.
2. **Афанасьева, Э. М.** Мотив чуда в стихотворении Александра Городницкого «Рождение Пушкина» / Э. М. Афанасьева // О людях и вещах: «...Люблю от бабушки московской я слушать толки о родне...»: Материалы Михайловских Пушкинских чтений (18–21 августа 2023 года). Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2023. – С. 165–170. – URL: <https://pushkinland.ru/2018/lib/mp/mp99.pdf> (дата обращения: 19.09.2024).
3. **Афанасьева, Э. М.** Онтология имени в творчестве русских писателей начала XIX века: Литературное общество «Арзамас», А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов / Э. М. Афанасьева. – Москва: URSS, 2020. – 262 с.
4. **Афанасьева, Э. М.** Поэтическая пушкиниана Александра Городницкого в стихотворении «Мой Пушкин» / Э. М. Афанасьева // Палимпсест. Литературоведческий журнал. – 2022. – № 1 (13). – С. 7–17.
5. **Биткинова, В. В.** Пушкинско-державинский миф в поэтическом мире А. Городницкого (мотив передачи лиры) / В. В. Биткинова // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 106–111.
6. **Городницкий, А. М.** Дорога к Пушкину / Александр Городницкий. – Москва: Академическая наука, 2021. – 128 с.
7. **Дружников, Ю.** Няня в венчике из роз / Ю. Дружников // Дружников Ю. Дуэль с пушкинистами. – Москва, 2001.
8. **Елисеева, В. А.** К вопросу о датировке стихотворения Пушкина «<Няне>»: («Подруга дней моих суровых...») / В. А. Елисеева // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – Вып. 24. – С. 140–143.
9. **Загидуллина, М. В.** Пушкинский миф в конце XX века / М. В. Загидуллина. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2001. – 234 с.
10. **Козубовская, Г. П.** Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика / Г. П. Козубовская. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 318 с.
11. **Легенды и мифы о Пушкине.** – Санкт-Петербург: Академический проект, 1994. – 352 с.

12. **Лернер, Н. О.** Арина Родионовна и няня Дубровского / Н. О. Лернер // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – Санкт-Петербург, 1908. – Вып. 7. – С. 68–72.

13. **Ничипоров, И. Б.** Пушкин и его эпоха в песенной поэзии Александра Городницкого / И. Б. Ничипоров // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 109–113. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-i-ego-epoha-v-pesennoy-poezii-aleksandragerodnitskogo> (дата обращения: 15.08.2024).

14. **Полевой, Кс.** Рец. Ксепофопта Полевого на Стихотворения Н. Языкова / Кс. Полевой // Московский телеграф. – 1833 – № 6. – С. 228–237. – URL: https://archive.org/details/mosk_telegraf/1833_Ch_50_5-8/page/227/mode/2up?view=theater. (дата обращения: 15.08.2024).

15. **Пушкин, А. С.** Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

16. **Пушин, И. И.** Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пушин. – Москва: Правда, 1989. – 576 с.

17. **Сараскина, Л. И.** Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише / Л. И. Сараскина // К истории отечественной культуры и искусства. – 2018. – № 4. – С. 128–161.

18. **Ульянский, А. И.** Няня Пушкина / А. И. Ульяновский. – Москва: Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. – 159 с.

19. **Шеметова, Т. Г.** Метаморфозы мифологемы «Няня Пушкина» в русской литературе XX века / Т. Г. Шеметова // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2011. – № 4. – С. 134–145. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-mifologemy-nyanya-pushkina-v-russkoj-literature-hh-veka> (дата обращения: 15.08.2024).

20. **Шеметова, Т. Г.** Пушкинский миф: функционирование в русской культуре / Т. Г. Шеметова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 201–217.

21. **Щеглов, И. Л.** Новое о Пушкинѣ. – Санкт-Петербургъ: Изданіе Спб. Т-ва Печатнаго и Издат. дѣла «Трудт», 1902. – 219 с. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=hjjvUzkfxSs%3d&tabid=10183> (дата обращения: 15.08.2024).

22. **Языков, Н. М.** Стихотворения Николая Языкова. – Санкт-Петербург: Типография вдовы Плюшар с сыном, 1833. – X, 308 с.

23. **Языков, Н. М.** Языковский архив. – Вып. 1. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1913.

REFERENCES

1. **Annenkov, P. V.** Materialy k biografii A. S. Pushkina / P. V. Annenkov. – Moskva: Sovremennik, 1984. – 481 s.
2. **Afnas'eva, E. M.** Motiv chuda v stihotvorenii Aleksandra Gorodnickogo «Rozhdenie Pushkina» / E. M. Afnas'eva // O lyudyah i veshchah: «...Lyublyu ot babushki moskovskoj ya slushat' tolki o rodne...»: Materialy Mihajlovskih Pushkinskih chtenij (18–21 avgusta 2023 goda). Sel'co Mihajlovskoe: Pushkinskij Zapovednik, 2023. – S. 165–170. – URL: <https://pushkinland.ru/2018/lib/mp/mp99.pdf> (data obrashcheniya: 19.09.2024).
3. **Afnas'eva, E. M.** Ontologiya imeni v tvorchestve russkikh pisatelej nachala XIX veka: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas», A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov / E. M. Afnas'eva. – Moskva: URSS, 2020. – 262 s.
4. **Afnas'eva, E. M.** Poeticheskaya pushkiniana Aleksandra Gorodnickogo v stihotvorenii «Moj Pushkin» / E. M. Afnas'eva // Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal. – 2022. – № 1 (13). – S. 7–17.
5. **Bitkinova, V. V.** Pushkinsko-derzhavinskij mif v poeticheskom mire A. Gorodnickogo (motiv peredachi liry) / V. V. Bitkinova // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. ZHurnalistika. – 2012. – T. 12. – Vyp.1. – S. 106–111.
6. **Druzhnikov, Yu.** Nyanya v venchike iz roz / Yu. Druzhnikov // Druzhnikov Yu. Duel' s pushkinistami. – Moskva, 2001.
7. **Eliseeva, V. A.** K voprosu o datirovke stihotvoreniya Pushkina «<Nyane>»: («Podruga dnei moih surovyh...») / V. A. Eliseeva // Vremennik Pushkinskoj komissii / AN SSSR. OLYA. Pushkin. komis. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1991. – Vyp. 24. – S. 140–143.
8. **Gorodnickij, A. M.** Doroga k Pushkinu / Aleksandr Gorodnickij. – Moskva: Izd-vo «Ademicheskaya nauka», 2021. – 128 s.
9. **Kozubovskaya, G. P.** Rubezh XIX–XX vekov: mif i mifopoetika / G. P. Kozubovskaya. – Barnaul: Izd-vo AltGPA, 2011. – 318 s.
10. **Legendy i mify o Pushkine.** – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1994. – 352 s.
11. **Lerner, N. O.** Arina Rodionovna i nyanya Dubrovskogo / N. O. Lerner // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. Komis. dlya izd. soch. Pushkina pri Otd-nii rus. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk. – Sankt-Peterburg, 1908. – Vyp. 7. – S. 68–72.
12. **Nichiporov, I. B.** Pushkin i ego epoha v pesennoj poezii Aleksandra Gorodnickogo / I. B. Nichiporov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Ser. 8: Literaturovedenie. ZHurnalistika. – 2005. – № 4. – S. 109–113. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-i-ego-epoha-v-pesennoj-poezii>

aleksandragerodnitskogo (data obrashcheniya: 15.08.2024).

13. **Polevoj, Ks.** Rec. Ksepopofta Polevogo na Stihotvoreniya N. Yazykova / Ks. Polevoj // Moskovskij telegraf. – 1833 – № 6. – S. 228–237. – URL: https://archive.org/details/mosk_telegraf/1833_Ch_50_5-8/page/227/mode/2up?view=theater (data obrashcheniya: 15.08.2024).

14. **Pushkin, A. S.** Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t. / A. S. Pushkin. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

15. **Pushchin, I. I.** Zapiski o Pushkine. Pis'ma / I. I. Pushchin. – Moskva: Pravda, 1989. – 576 s.

16. **Saraskina, L. I.** Pushkinskij mif v russkoj kul'ture: legendy, anekdoty, klishe / L. I. Saraskina // K istorii otechestvennoj kul'tury i iskusstva. – 2018. – № 4. – S. 128–161.

17. **Ul'yanskij, A. I.** Nyanya Pushkina / A. I. Ul'yanskij. – Leningrad: Izd-vo AN SSSR: AN SSSR, 1940. – 159 s.

18. **Shemetova, T. G.** Metamorfozy mifologemy «Nyanya Pushkina» v russkoj literature XIX veka / T. G. SHemetova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. 9. Filologiya. – 2011. – № 4. – S. 134–145. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-mifologemy-nyanya-pushkina-v-russkoj-literature-hh-veka> (data obrashcheniya: 15.08.2024).

19. **Shemetova, T. G.** Pushkinskij mif: funkcionirovanie v russkoj kul'ture / T. G. SHemetova // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 10. – S. 201–217.

20. **Shcheglov, I. L.** Novoe o Pushkinѣ. – S-Peterburg: Izdanie Spb. T-va Pechatnago i Izdat. dѣla «Trudt», 1902. – 219 s. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=hjjvUzkfxSs%3d&tabid=10183> (data obrashcheniya: 15.08.2024).

21. **Yazykov, N. M.** Stihotvoreniya Nikolaya Yazykova. – Sankt-Peterburg: Tipografiya vdovy Plyushar s synom, 1833. – 308 s.

22. **Yazykov, N. M.** Yazykovskij arhiv. – Vyp. 1. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1913.

23. **Zagidullina, M. V.** Pushkinskij mif v konce XX veka / M. V. Zagidullina. – Chelyabinsk: Chelyabinskij gos. un-t, 2001. – 234 s.